

УДК 811.511.132` 367.623` 366.55

Лудыкова Валентина Матвеевна
Россия, г. Сыктывкар, Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию субъекта коми языка. Определяется роль субъекта в формировании высказывания. Особое внимание уделяется семантике и способам выражения субъекта в коми языке. Отмечаются его специфические способы выражения в коми языке. Материалом для анализа послужили тексты коми художественной литературы, пословиц и поговорок.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, субъект, семантика, функции, способы выражения.

Понятие **субъект** в лингвистической науке имеет широкое значение. По словам Г. А. Золотовой, лингвистическая классификация субъекта вбирает в себя все философские толкования этого понятия: субъект – вещь, субъект – организм, субъект – душа, субъект – сознание, разум, субъект – источник, субъект – действующая причина [Золотова 1998: 229].

В современном языкознании термин субъект обозначает, во-первых, первый член логического суждения, представляющего собой признак предмета, во-вторых, в семантике – одушевленный предмет, лицо,

в отличие от объекта – неодушевленного предмета. Не следует смешивать с подлежащим – компонентом формальной структуры предложения [Левицкий 2005: 365]. Согласно точке зрения Н. Д. Арутюновой, субъект и другие термы конкретного значения замещают в речи предмет действительности, который они призваны идентифицировать для адресата сообщения, т. е. выступают в своей денотирующей функции, в то время как предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание, или смысл [Арутюнова 2002: 11]. По утверждению Г. А. Золотовой, субъект предложения – это «синтаксически независимый субстанциональный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака. Это определение имеет в виду единство и взаимообусловленность семантического, синтаксического и морфологического признаков. Субстанциональность субъекта предполагает выражение его формами имени существительного предметного значения» [Золотова 2001: 133–134].

На семантико-синтаксическом уровне субъект – в реальной ситуации, обозначенной в предложении, главный активный или неактивный «участник действия», носитель признака или состояния. На этом уровне различаются грамматический и семантический субъект. Грамматический субъект относится к синтаксической структуре предложения, как и предикат, он является одним из главных и необходимых элементов структуры предложения любого языка. Семантический субъект является важным компонентом семантической структуры высказывания, формирует его смысловое содержание. По справедливому замечанию Е. М. Лазуткиной, «смысл предложения зависит от таких свойств субъекта, как активность или неактивность, способность или неспособность к целенаправленному действию, и соответственно от таких свойств предиката, как произвольность или непроизвольность действия, спонтанность, внезапность, независимость от воли субъекта» [Лазуткина 1997: 545].

Как известно, ни одно действие не может совершаться без деятеля. Лицо, одушевленный предмет, в различных ситуациях, в силу различных причин может испытывать и различное состояние. Вступая в коммуникативный контакт, для говорящего важным является сообщать, прежде всего, о действиях, состояниях лица, побуждать собеседника

к определенному действию. Поэтому в абсолютном большинстве случаев в предложении присутствует субъект. Лишь в некоторых безличных предложениях может сообщаться о бессубъектном процессе, состоянии природы, возможны бессубъектные высказывания: *Ывлаын шоньд*. ‘На улице тепло’; *Луннас югыд*. ‘Днём светло’. Однако в коми языке и такие предложения способны иметь формальный субъект. Очевидно, что в языковом сознании коми человека действие, процесс должен выполнять действующее лицо, должен быть носитель состояния: *Ывла заводитö зэрсявны* (Я. Рочев. Изьва гызьö. Му вежöм, 263). ‘На улице начинает идти дождь (букв. природа, улица начинает дождить)’; *Ывла пемдö* (Я. Рочев. Изьва гызьö. Му вежöм, 306). ‘На улице темнеет (букв. Улица темнеет)’; *Ывлаыс югыд: Усьöма небыдик лым* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 53). ‘На улице светло: Выпал мягкий снежок’. Необходимо согласиться с точкой зрения Г. А. Золотовой, которая утверждает, что «большая часть безличных предложений, сообщая о состоянии лица, оказывается личными (Ему не спится; Ему хочется спать). Те же основания позволяют пересмотреть представление о безличности инфинитивных предложений. Никакое действие не может произойти без деятеля (кроме вышеупомянутых собственно безличных процессов, они и не обозначают действия, но – состояние природы, среды), действие – это всегда функция действующего лица» [Золотова 2001: 105].

Основной семантико-синтаксической функцией субъекта предложения является функция идентификации. Субъект обозначает производителя или носителя приписываемого ему предикативного признака. Другая функция субъекта предложения, связанная с его семантико-синтаксической функцией, состоит в том, что он указывает в конструируемом событии на свое центральное (фокусное) положение, поскольку именно ему приписывается предикативный признак. Это центральное положение субъекта предложения в событии определяется тем, что он обозначает нечто автономно существующее или представляемое как автономно существующее, а приписываемый ему предикативный признак без него не существует [Шелякин 2001: 183]. Однако для составления полноценной семантической структуры предложения необходим и сам предикативный признак, предикат служит целям сообщения, целям характеристики предмета речи. Субъект и предикат

являются центральными компонентами семантической структуры высказывания, составляют грамматическое и семантическое ядро предложения.

Субъект – в реальной ситуации, обозначенной в предложении, главный активный или неактивный «участник действия», носитель признака или состояния. Он, как и предикат, является важнейшим членом семантической структуры высказывания. Как уже было отмечено, смысловое содержание предложения зависит от активности, неактивности, способности, неспособности, желания, нежелания субъекта выполнить действие, произвольности, непроизвольности действия, волеизъявления субъекта. Субъект при нейтральном порядке слов занимает позицию в начале предложения. Как правило, имя субъектной позиции при актуальном членении является темой сообщения. Исторически имена в позиции субъекта, способного к самостоятельному действию, перемещению, оформились как подлежащее. Неактивная роль субъекта, его непроизвольное действие, неконтролируемое состояние, свойство, постоянный или временный признак показываются значением косвенных падежей. При этом очевидна оценка этого качества субъекта говорящим, автором высказывания [Лазуткина 1997: 545].

В каждом языке имеются собственные способы выражения субъекта. Как отмечает Г. А. Золотова, «выразителями субъекта не могут быть любые именные словоформы, язык располагает определённым набором синтаксических форм слова (синтаксем) для выражения субъекта, а выбор той или иной формы зависит от разновидности субъектно-предикатных отношений, форма субъекта взаимообусловлена и связана со значением и формой выражения предикативного признака» [Золотова 2001: 134]. Роль субъекта выполняют номинатив, формы косвенных падежей имени существительного / местоимения, личные формы глаголов. Способ выражения субъекта зависит от цели коммуниканта, семантики и способа выражения сказуемого, коммуникативных условий.

В коми языке также имеются собственные способы выражения субъекта. Он может быть представлен, прежде всего, формой номинатива имени существительного, местоимения. Номинативный субъект в двусоставных предложениях занимает позицию подлежащего. Он является активно действующим лицом, активным носителем состояния. Чаще всего в высказывании называется субъект-лицо: *Нывъяс ва дорö*

ворсны лэччисны (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 29). ‘Девочки спустились к реке играть’; *Видзöдысьяс сералисны* (Я. Рочев. Изьва гызьö. Му вежöм, 59). ‘Зрители смеялись’; *Кöзяин корис гöстьясöс чай юны* (Я. Рочев. Изьва гызьö. Му вежöм, 59). ‘Хозяин пригласил гостей выпить чаю’; *Том йöз тани бурöсь* (И. Изьюров. Миян грездса нывьяс, 27). ‘Молодежь здесь хорошая’. В роли субъекта высказывания, возможны имена не-лица (названия одушевлённых существ): *Ошинь увти бобув лэбзис, Мича еджыд бобув* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 87). ‘Под окнами бабочка пролетела, Красивая белая бабочка’; *Пемыд вöрти мунö ош* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 159). ‘По темному лесу идет медведь’. Номинативная форма может выражать и предметный субъект: *Вöр пу шумгö* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 131). ‘Лес шумит’; *Узьöны бадь пуяс ю мöдлапöлын* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 64). ‘Спят ивы на другом берегу реки’; *Керкаяс посньидикöсь, унджыкыс пу, туйяс няйтöсь* (И. Изьюров. Миян грездса нывьяс, 112). ‘Дома маленькие, деревянные, дороги грязные’, а также отвлечённый субъект: *Кадыд пö тай быд дой бурöдöд* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 63). ‘Говорят, что время все раны излечивает’; *Понлön шочиника увтышталöмыс пыр ылысмис* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 211). ‘Редкий лай собаки постепенно отдалялся’.

Номинатив в двусоставных синтаксических конструкциях, выполняющий синтаксическую функцию подлежащего, обозначает (а) субъект действия (агентивный). При таком субъекте в роли предиката выступает акциональный глагол: *Бать нес кералö*. ‘Отец дрова колет’; *Вок турун ытшикö*. ‘Брат косит сено’; (б) субъект состояния, при этом позицию предиката занимают статуальные глаголы, прилагательные со значением состояния: *Кага узьö*. ‘Ребёнок спит’; *Понйыс тишыг*. ‘Собака голодная’; (в) субъект – носитель признака (квалитативный субъект): *Сёяныс чöскыд*. ‘Еда вкусная’; *Нывьясыс бурöсь*. ‘Девочки хорошие’; (г) субъект определяемого количества: *Ваыс пидзöсöдз*. ‘Воды (букв. вода) до колен’; *Туруныс коскöдз*. ‘Травы (букв. трава) до пояса’; (д) субъект наличествующий (экзистенциальный) при экзистенциальном глаголе эм ‘есть’ и при отрицательном слове *абу* ‘нет’: *Сиктын эм школа*. ‘В селе есть школа’; *Вöрын тишакыс абу*. ‘В лесу нету грибов (букв. грибы)’; при локативных формах в предикате: *Мам гортын*. ‘Мама дома’; *Черыс юын*. ‘Рыба в реке’; (е) субъект сравне-

ния (компаративный): *Эжва ыджыдджык Сыктылысь*. ‘Вычегда больше Сысолы’; (ё) субъект классификации (кваликативный) при именном предикате без связки или со связкой: *Пув – вотос*. ‘Брусника – ягоды’; *Ош – вөрса немос*. ‘Медведь – дикое животное’.

Имена существительные в номинативе в синтаксической роли подлежащего, называющие субъект высказывания, способны маркироваться определённо-притяжательными аффиксами. Такие компоненты семантической структуры предложения обозначают более сложное понятие, имеют более сложное грамматическое значение: они, кроме выражения субъекта, имеют и посессивное значение – указывают на объект, кому принадлежит лицо или предмет, названный в существительном в номинативе: *Мамыд, ёна нин вёли шогсьö* (И. Сажин. Ён тыш, 96). ‘Мама (твоя) уже очень беспокоилась’; *Юрöй лунтыр висьö* (И. Торопов. Тянлы водзö овны, 115). ‘Голова (моя) целый день болит’; *Иванöй мунис, Öндрей Петрович* (Н. Попов. Олан гаж, 31). ‘Иван (мой) ушел, Андрей Петрович’; *Кузьма, ме локти тэкöд сёрнитышитны. Ачыд гögöрвоан. Гöтырыд нин волис норасьны* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 43). ‘Кузьма, я пришел поговорить с тобой. Сам понимаешь. Жена (твоя) уже приходила жаловаться’; *Со öд кытчöдз воис председателным* (Я. Рочев. Изьва гызьö. Му вежöm, 114). ‘Вот ведь до чего дошел наш председатель’. Известно, что лично-притяжательные суффиксы могут иметь различные значения, в частности, суффикс *-ыд*, которым оформляется подлежащее, способен указывать на обобщенное значение. Субъект высказывания при этом носит обобщенный характер: *Кадыд пö тай быд дой бурдöдö* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 63). ‘Говорят, что время (вообще время, в широком, в обобщенном значении) все раны залечивает’; *Мортыд рудн он пöт* (Коми пословицы и поговорки, 66). ‘Человек (любой, каждый) воздухом сыт не будешь’; *Мастерыд тöдчö удж сертыис* (Коми пословицы и поговорки, 66). ‘Мастер (любой) познается по работе’; *Мортыд удж вылад абу гöсьт* (Коми пословицы и поговорки, 66).

Специфическое своеобразие коми языка состоит в том, что лично-притяжательными формантами способны маркироваться и деепричастия, указывающие на субъект дополнительного действия: *Ныв-тиян чеччытöдзыс мамлөн и пöсь сёян-юаныд дась, и вурöма-дöмöма* (И. Коданев. Шувгы, менам пармаöй, 4). ‘До того, как встанут дети (букв. до

детей их вставания) у мамы уже и горячая еда готова, и успела сшить-отремонтировать»; *Калина мунігмозыс синъяссё чөвтліс пукалысьяс вылө* (Я. Рочев. Изъва гызьö. Му вежём, 231). 'Калина, когда уходил (букв. он уходя), посмотрел на сидящих'; *Дыр-ө кезлө вугьртліс да мый вöлі узигкостіыс, – Вася оз тöд* (Я. Рочев. Изъва гызьö. Му вежём, 35). 'Долго ли дремал и что произошло за то время, пока спал (букв. его спанья), – Вася не знает'.

Своеобразными являются конструкции, в которых подлежащее, называемое субъект, маркируется показателем множественного числа *-яс* и лично-притяжательными суффиксами. Такие формы существительного в номинативе обозначают, что реальными субъектами являются не множество лиц, а одно лицо, обозначенное подлежащим, и самые близкие люди этого лица, которые в высказывании не названы, но на них указывает показатель множественности и контекст: – *Панте! Панте! Батьбяс мый вöчöны! Көсийöны Көсьтаёс гөтралны* (Б. Шахов. Овлісны-вывлісны, 105). 'Панте! Панте! Родители (букв. отцы) что делают! Хотят Костю женить'; *Сійö сиктад абу өтнасөн. Дядьысьяс на эмöсь* (Б. Шахов. Овлісны-вывлісны, 145). 'В деревне она не одна. Есть ещё (ее) дядя (и вся семья дяди)'; *Ёгора ныр и вөрö кайны лөсьөдчыны кутіс. Мамысьяс нотьяс тэрыба сөвтисны* (И. Сажин. Ён тыш, 96). 'Егора сразу и в лес начал собираться. Мама (и все домашние) быстро собрали рюкзак'.

В коми языке широкое распространение получили парные имена существительные, называющие совокупный субъект высказывания. Сказуемое при таком субъекте-подлежащем должно быть в форме множественного числа. Каждый из лиц, названных такими существительными, в высказывании являются и субъектом и объектом: *Ая-ниа дыр на сёрнитісны* (И. Сажин. Ён тыш, 75). 'Отец с сыном (букв. отец-сын) ещё долго разговаривали'; *Бать-мам озырöсь* (И. Изъюров. Миян грездса нывьяс, 12). 'Родители богатые'. В высказываниях со сказуемым в форме единственного числа в роли подлежащего выступает одно из существительных, образующих пару, а другое из них называет объект, причем они легко могут меняться своими ролями: *Айыс тивыскөд дыр на сёрнитіс*. 'Отец с сыном еще долго разговаривал' или *Пивыс айыскөд дыр на сёрнитіс*. 'Сын с отцом еще долго разговаривал'. Кон-

струкции с субъектом, выраженным парными именами, в современном коми языке являются активно развивающимися.

Субъект предложения может быть выражен местоимениями, чаще всего – личными, вопросительными, неопределенными, обобщенными: *Лун шӧр бӧрын ми Висерысь лэччим* (В. Савин. Мусюр сайын, 71). ‘После полудня мы уехали из Висера’; *Быдӧн на вӧлі узьӧны. Гольдӧдчим, чуксасим Ивашев ордӧ* (В. Савин. мусюр сайын, 46). ‘Все еще спали. Постучали, напросились к Ивашеву’.

Справедливо пишет Г. А. Золотова, что «разные способы представления говорящим субъекта обобщаются в трех категориях – определенности, неопределенности и обобщенности, которые являются разновидностями личности. Разновидности эти не структурного, а семантического и стилистического порядка» [Золотова 2005: 162]. Коммуникантом субъект действия, состояния может быть представлен как определенный. В коми языке широко распространены синтаксические конструкции, в которых предикативная основа состоит из одного главного члена – сказуемого, выраженного глаголом первого или второго лица, единственного или множественного числа, любого из форм времени – настоящего, прошедшего, будущего. Личные формы такого глагола-сказуемого точно указывают на определенное лицо – субъект действия или состояния. Им является сам говорящий/сами говорящие или собеседник/собеседники: *Пемыдӧн нин воим тӧдса вӧр керкаӧ. Ломті пач, вайи ва да нуи ужын. Чай юӧм бӧрын пӧдлалі пач труба да воді нар вылӧ шойччыны* (И. Коданёв. Шувгы, менам парма, 55). ‘В знакомую лесную избушку пришли (мы), когда было уже темно. Затопил (я) печку и сварил (я) ужин. После того, как выпил чаю, закрыл печку и лёг (я) на нары отдохнуть’. *Векньыдик туй кузя Тэ ордӧ воывлі* (В. Лыткин. Дзордзав жӧ, Коми му, 92). ‘По узенькой тропинке к тебе приходил (я)’. В высказываниях от 1-го лица совпадают действующий субъект и говорящий.

Форма второго лица глагола сообщает о том, что субъектом действия является собеседник: *Мича дзодзӧг, зарни дзодзӧг, Шлыган вывті вылі, Он кыв менсьым ичӧт гӧлдс, Он видзӧдлы вылам* (В. Лыткин. Дзордзав жӧ, Коми му, 22). ‘Красивый гусь, золотой гусь, летишь слишком высоко, Не слышишь моего слабого голоса, не посмотришь на меня’.

Категория определённости выражается и формой повелительного наклонения глагола. Она обозначает, что субъектом является собеседник/собеседники, который во многих случаях называется в высказывании в качестве обращения: *Петав, петав, югыд шонди, Кымёр улысь петав!* (В. Лыткин. Дзордзав жё, Коми му, 22). ‘Выгляни, выгляни, ясное солнышко, Выгляни из-за туч!’, *Ичот тий, кытчө мунан? Велёдчыны, муса вок? Лыдды, велёд книга уна, Чожа кыскав книга ноп!* (В. Лыткин. Дзордзав жё, Коми му, 23). ‘Сынок, куда идёшь? Учится, милый брат? Читай, выучи много книг, Прилежно таскай рюкзак с книгами!’.

«Категория обобщенности представляет субъект как любое лицо, к которому может быть отнесено называемое в предложении действие, состояние» [Золотова 2005: 162]. Обобщённый субъект выражается формой второго лица единственного числа глагола. В предложениях с такой формой глагола-предиката действие приписывается, как известно, обобщенному деятелю. Независимое действие утверждается как вне-временное, не соотносимое с моментом речи: *Йёзылдысь волтё тай он тупкы* (Н. Попов. Олан гаж, 167). ‘Людам не закроешь рот’, *Гырдызатё он курччы* (Коми пословицы и поговорки, 44). ‘Локоть не укусишь’, *Бордтөг этиша лэбалап* (Коми пословицы и поговорки, 33). ‘Без крыльев не полетишь’, *Визувтём ватё он бергөд* (Коми пословицы и поговорки, 15). ‘Утёкшую воду не вернешь’, *Правдатё он дзеб* (Коми пословицы и поговорки, 98). ‘Правду не скроешь’. Обобщенный субъект часто выражается и императивной формой: *Мунігад кок пыдöснад мусö эн шонты* (Коми пословицы и поговорки, 30). ‘Когда идёшь (букв. идя), не грей ступнями землю’, *Бур ним – славатё куэс видзны* (Коми пословицы и поговорки, 33). ‘Доброе имя сумей сберечь’. В некоторых случаях глаголы 2-го лица или императива обозначают действие самого говорящего, т. е. субъектом действия, состояния является сам говорящий. При этом образуются экспрессивные конструкции: *Муртса вои вольнасьөдз, сэштиöма мудзсьöма, а вот чеччы да гуляйтөд тэнö!* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 222). ‘Еле добралась (я) до постели, а вот вставай и гуляй с тобой!’. Значение обобщенности, как уже было отмечено, субъекта может быть выражено существительным в роли подлежащего, оформленным лично-притяжательным маркером 2-го лица *-ыд*, который в определённом контексте способен иметь обоб-

щённое значение: *Ва паньдтö пыжыд ачыс оз кат* (Коми пословицы и поговорки, 22). ‘Против течения лодка (любая, всякая) сама не поплывёт’; *Мортыд уджын мортъяммö, мортöс удж мичмöдö* (Коми пословицы и поговорки, 63). ‘Человек (любой, каждый) становится человеком на работе, человека работа красит’; *Кадыд быд дой бурдöдö* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 341). ‘Время (вообще время, в широком, обобщенном значении) все раны излечивает’.

Значение обобщенности субъекта может быть выражено и местоимениями соответствующего разряда: *Быдöн тi уджалысь йöз* (В. Лыткин. Дзордзав жö, Коми му, 57). ‘Все вы трудящиеся люди’.

«Категория неопределённости представляет субъект действия как неопределённое (чаще – неопределённо-множественное) лицо, неизвестное или намеренно устранённое по незначительности его в содержании информации» [Золотова 2005: 162]. Неопределённый субъект выражается формой третьего лица множественного числа глагола: *Коркö, войнаöдз на, танi мельнича вöвлöма. Сэсся эновтöмаöсь ковтöмла* (В. Безносиков. Ок, и мортлön олöм, 321). ‘Когда-то, ещё до войны, здесь мельница была. Потом бросили из-за ненадобности’; *Вöрас ас пескöн, шурин, оз ветлыны* (Н. Попов. Олан гаж, 34). ‘В лес со своими дровами, шурин, не ходят’; *Коркö, войнаöдз на, танi мельнича вöвлöма. Сэсся эновтöмаöсь ковтöмла* (В. Безносиков. Ок, и мортлön олöм, 43). ‘Когда-то, еще до войны, здесь мельница была. Потом бросили из-за ненадобности’; *Бли местаясянь заводитчö тайö ёлыс. Шулöмаöсь сийöс Кутш ёльдöн* (А. Вурдов. Сир войт, 89). ‘С далёких мест начинается эта лесная речка. Называли её Кутш речкой’. В предложениях с неопределённым субъектом, выраженным соответствующей формой глагола, возможны обстоятельства места, которые косвенно указывают на исполнителей действия: *Ноябрын чорыда кöдздöдöс. Верстьö йöз кутисны дасьтыны сортöвöй кер вöчны. Чукöстисны колхозлön правлениеö и менö* (В. Безносиков. Ок, и мортлön олöм, 67). ‘В ноябре наступили сильные морозы. Взрослые стали собираться на заготовки сортового леса. Пригласили в правление колхоза и меня (из контекста, из содержания обстоятельства становится понятным, что пригласили работники правления колхоза)’; *Виль велöдысьöс Изъядорын вазжөн виччысьöны* (Б. Шахов. Овлisны-вылины, 120). ‘Нового учителя в Изъядоре давно ждут’. В неопределённо-личных конструкциях главным

значением глагольной формы является неопределённость субъекта. Эти конструкции используются и для обозначения множественности субъекта. Употребление формы 3-го лица множественного числа глагола связано также и с необходимостью в некоторых ситуациях акцентировать внимание на действии, а не на производителе действия. Во многих случаях действующее лицо бывает неизвестным. Значение неизвестного для говорящего субъекта действия также выражает главный член неопределённо-личного предложения. Отнесённость действия к неопределённому, устранённому из высказывания субъекту возможно и в некоторых двусоставных предложениях, в которых в роли подлежащего выступают местоимения *кодкӧ, кодьяскӧ* 'кто-то', они не имеют конкретного значения, указывают лишь на неопределённый субъект. Предложения с такими подлежащими формально являются двусоставными, с формально выраженным субъектом, но местоимения типа *кто-то* в позиции подлежащего не меняют семантики предложения, местоименное выражение субъекта представляет собой альтернативу глагольной форме обозначения неопределённого субъекта: *Да, энлӧй, кодьяскӧ со локтӧны.* (В. Юхнин. Алӧй лента, 35). 'Да подождите, вот кто-то идут'; *Посводзын кодкӧ кутӧ шарӧдчыны* (И. Изъюров. Миян грезда нывъяс, 255). 'В сениях кто-то стал шаркать'; *Кодкӧ олӧмсӧ бипур моз пестӧ, Кодкӧ шонтысьӧ мукӧдыс весьтӧ. Кодкӧ олӧмсӧ лэптӧ кыз керка. Кодкӧ бӧрсяныс увтӧ, кызд Серко. Кодкӧ олӧмсӧ сьӧлӧмнас кылӧ. Кодкӧ лов вылас ӧшйӧма сьлы* (Г. Юшков. Нель небӧгӧ ӧтувтӧм гижӧд чукӧр. 4 юкӧн, 119). 'Кто-то жизнь разжигает как костёр, Кто-то греется за счёт других. Кто-то жизнь строит как дом. Кто-то на него лает как Серко (собака). Кто-то жизнь чувствует сердцем. Кто-то висит у него на душе'.

Своеобразным является способ выражения субъекта в безличных предложениях, в которых сообщается о действии или состоянии, возникающих и существующих независимо от производителя действия и носителя состояния (признака), поэтому субъект в таких конструкциях является пассивным. Их синтаксическая структура не допускает употребления номинативной формы субстантивного слова. Однако отсутствие подлежащего не означает отсутствие субъекта действия, субъекта состояния. Носитель состояния, действующее лицо выражается формами косвенных падежей. Семантическая основа таких предложений –

отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), т. к. деятель или носитель признака, состояния может быть назван, но не грамматическим подлежащим, а косвенными формами имени. Для коми языка типичным является выражение субъекта неактивного действия формой родительного падежа имени существительного или местоимения. Главный член синтаксических конструкций с родительным падежом субъекта указывает на завершение совершения действия, его результат, непроизвольное действие, желание / нежелание, привычность / непривычность, решение совершить действие. Семантический субъект выполняет синтаксическую функцию дополнения, подчиняется главному члену, в роли которого выступают безличные глаголы, личные глаголы в безличном значении: *Маша гортас локтіс сэки, кор мамыслён вёлі пöжассьöма нин* (Г. Федоров. Повестьяс, 102). ‘Маша домой пришла уже тогда, когда мама (ее) (букв. у матери закончилось печь) уже закончила печь’; *Менам сэйöма нин* (Г. Федоров. Повестьяс, 109). ‘Я уже поел (букв. у меня съедено)’; *Бура и узьсьöма сылён!* (Г. Федоров. Повестьяс, 102). ‘Хорошо и выспался (он) (букв. выспалось у него)’; *Пыжнад ветлыны Ёгорлён велалöма ичöтсьяньыс* (Г. Федоров. Повестьяс, 142). ‘На лодке ездить Егор научился уже в детстве (букв. у Егора научилось с детства)’; *Абу велалöма менам ошкöмад* (Г. Федоров. Повестьяс, 149). ‘Я не привык к похвале (букв. у меня не привыклось в похвалу)’; *Та йылысь менам шуöма медводз вöчны, бабуль!* (Г. Федоров. Повестьяс, 23). ‘Это я решил сделать в первую очередь (букв. у меня сказано сделать), бабушка’; *Ме öні гөгöрвои: абу тэ сэтшидм вёлöмыд, а мөд...* *Пөрьяссьылöма менам* (Г. Федоров. Повестьяс, 221). ‘Я сейчас понял: ты, оказывается не такой, а другой... Я ошибся (букв. у меня обманулось)’; *Кыкысь шуны Яковлён абу велалöма* (Г. Юшков. Чугра, 16). ‘Яков не привык говорить одно и то же (букв. у Якова не привыклось говорить)’; *Сылён, тыдалö, эз терпитсьы дыр пукавны тані* (В. Юхнин. Алöй лента, 170). ‘Ему не хотелось (букв. не терпелось) долго сидеть здесь’. Безличные конструкции с субъектом, выраженным формой родительного падежа, во многом передают языковое сознание коми, представляют собой одну из специфических особенностей синтаксиса коми языка.

В современном языке широко распространенными являются безличные конструкции, в которых субъект выражается формой датива.

Эта форма субъекта реализуется в безличных конструкциях, в которых главный член выражен как безличными глаголами, так и с безлично-предикативными словами со значением психического, физического состояния человека, живого существа, выражающими душевные, психические, моральные переживания, в функции главного члена: *Люббэв меным, Пашук!* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 188). ‘Мне очень приятно, Пашенька!’; *Якимлы люббэ, ошкышитисны да* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 191). ‘Якому приятно, потому что похвалили’; *Сэсся друг шоныд сылы лои* (Г. Юшков. Чугра, 321). ‘Потом вдруг ему стало тепло’; *Сынбодас сылы кокниджык лои* (Г. Юшков. Чугра, 10). ‘В воздухе ей (сове) стало легче’. При предикатах с модальным значением возможности или невозможности, долженствования субъект также выражается формой дательного падежа: *Да мыйкб тай пыр со морттыды колб* (В. Чисталёв. Эжва йывса колип, 138). ‘Да вот человеку всё что-то надо’. В предложении дательный субъект выполняет синтаксическую роль косвенного дополнения.

Статуальный субъект при безличных глаголах психического, физического состояния, глаголах, обозначающих непроизвольное действие, выражается формой **аккузатива**: *Висьысьбс кынтыб* ‘Большого знобит’; *Менб шогбдб* ‘Мне грустно (букв. мне грустится)’; *Тэньб несйбдлб* ‘Ты чихаешь (букв. тебя чихает)’; *Морттыб пажынбдз на и дышбдбс милиционеравнытыб* (В. Безносиков. Ок, и мортлбн олбм, 133). ‘Человеку до обеда и надоело быть милиционером (букв. человека разленилось милиционерить)’.

В коми языке обращают на себя внимание безличные конструкции, в которых при дательном субъекта требуется употребление творительного предикативного, «когда контролер стоит в дательном падеже, творительный падеж предикативного имени становится обязательным в большинстве контекстов [Никольс 1985: 355]: *И Егорлы бни колб быть жб зббйбн лоны* (Н. Куратова. Аддзысьлам на тшук, 27). ‘И Егору сейчас обязательно надо быть смелым’; *Бнджыкбн колб лоны мянлы, крпыбдджыкбн, а главнбйыс – сюсьбн* (И. Изьюров. Миян грездса нывьяс, 62). ‘Нам надо быть более сильными, крепкими, и главное – мудрыми’. Позднее появление творительного падежа прилагательного позволяет утверждать и о позднем происхождении подобных конструкций, однако в настоящее время активно развивающихся.

Форма датива обозначает субъект действия и в предложениях с независимым инфинитивом в позиции главного члена. В отличие от безличных предложений, в инфинитивных синтаксических конструкциях производитель действия побуждается к активному действию: *Бара меным зыртны мельнича джодж, мешокъяс лэтавны?* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 106). ‘Опять мне чистить полы мельницы, таскать мешки?’; *Та мында нянь миянлы не чукортны!* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 200) ‘Столько хлеба нам не собрать!’; *А ме шуа тиянлы: не сёйлыны налы менсьым няньос! Оз аддыны и ставыс!* (Г. Фёдоров. Повестьяс, 97). ‘А я вам говорю: они не будут есть мой хлеб (букв. не есть им мой хлеб)! Не найдут, вот и всё!’.

Многие односоставные предложения в качестве субъекта предполагают одушевленный предмет, чаще всего – лицо (человека), с его внутренним миром.

Таким образом, субъект занимает одно из ведущих позиций в семантической и синтаксической структуре предложения, выражается номинативной формой имени, формами косвенных падежей, а также личными формами глагола. Активный субъект выражается номинативной формой имени. В безличных предложениях пассивный субъект представлен формами родительного и дательного падежей. Форма выражения субъекта зависит от коммуникативных целей говорящего, семантики и способа выражения сказуемого.

Список использованной литературы и источников

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: УРСС, 2002. – 380 с.

Безносиков В. И. Ок, и мортлөн олём / В. И. Безносиков. – Сыктывкар: Коми небӱг лэзанін, 2001. – 368 лб.

Вурдов А. Сир войт / А. Вурдов. – Сыктывкар: «Арт», 2007. – 144 лб.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского языка / Г. А. Золотова. – М.: УРСС, 2001. – 368 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: УРСС, 2005. – 350 с.

Изьюров И. В. Миян грездса нывъяс / И. В. Изъюров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 352 с.

Коданев И. Шувгы, менам пармаёй / И. Коданев. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001. – 132 лб.

Коми пословицы и поговорки / Сост. Ф. Плесовский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1983. – 208 с.

Куратова Н. Аддзысьлам на тшук / Н. Куратова. – Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1995. – 240 лб.

Лазуткина Е. М. Субъект / *Е. М. Лазуткина* // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – С. 545–546.

Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса / Ю. А. Левицкий. – М.: УРСС, 2005. – 368 с.

Лыткин В. Дзордзав жӧ, Коми му / В. Лыткин. – Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1985. – 256 лб.

Никольс 1985 – *Никольс Дж.* Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике / Дж. Никольс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XV. – М., 1985. – С. 342–387.

Попов Н. Олан гаж / Н. Попов. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001. – 192 лб.

Савин В. Мусюр сайын / В. Савин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 368 лб.

Сажин И. Ён тыш / И. Сажин // Ытва дырйи. – Сыктывкар, 1987. – 80–110 лб.

Торопов И. Тянлы водзӧ овны / И. Торопов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 624 с.

Фёдоров Г. Повестьяс / Г. Фёдоров. – Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1979. – 448 лб.

Чисталев В. Эжва йывса колип / В. Чисталев. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000. – 222 лб.

Шахов Б. Овлісны-вывлісны / Б. Шахов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 544 лб.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М.: Русский язык, 2001. – 288 с.

Юхнин В. Алӧй лента / В. Юхнин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 456 с.

Юшков Г. Чугра / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 416 лб.

Юшков Г. Нель небӧгӧ ӧтувтӧм гижӧд чукӧр / Г. Юшков. – 4 юкӧн. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001. – 735 лб.

SEMANTIKO-SINTAKSICHESKIE FUNKCII I SPOSOBY VYRAZHENIYA
SUB"EKTA V KOMI YAZYKE

Abstract. The article deals with the analysis of the subject in the Komi language. The role of the subject in an utterance is outlined. Special attention is paid to the semantics and ways of expressing the subject in the Komi language. The research is based on the analysis of the language of works of literature and proverbs.

Keywords: the Komi language, syntax, subject, semantics, functions, ways of expressing.